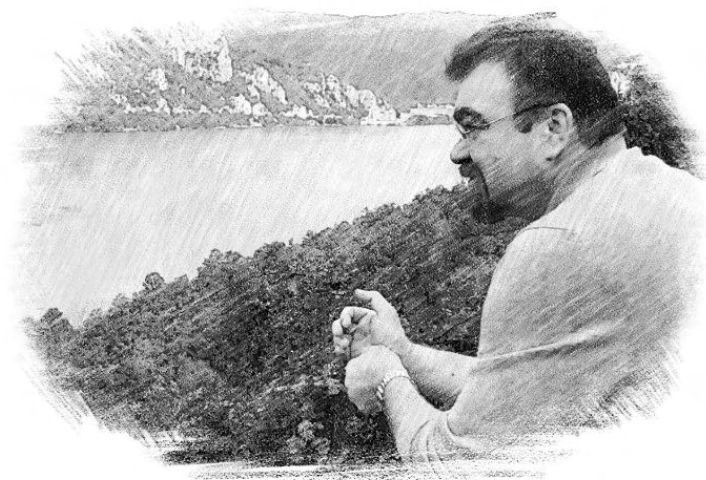

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ РОССИИ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ИМ. М. ЙОВАНОВИЧА
ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БЕЛГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
АРХИВ СЕРБСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
РУССКИЙ НАУЧНЫЙ ИНСТИТУТ

ШЕМЯКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Выпуск 2

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ
СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ В XIX–XXI ВВ.

Москва – Белград
2023

УДК
ББК

Издатель/Издавач
Институт славяноведения РАН
Центр по изучению России и Восточной Европы им. М. Йовановича
Философского факультета Белградского университета
Архив Сербской православной церкви
Русский научный институт

За издателя/за издавача
Ирина Антанасијевић

Научный редактор
Алексей Юрьевич Тимофеев

Редколлегия выпуска:
к.и.н. А.А. Силкин (отв. редактор)
к.и.н. Ю.В. Лобачева (отв. секретарь)
д.и.н. Е.П. Серапионова
д.и.н. А.Ю. Тимофеев

Рецензенты:
к.и.н. Н.С. Пилько
к.и.н. А.В. Морохин

Вопросы истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XXI вв. / отв. ред. А.А. Силкин; редкол.: Ю.В. Лобачева, Е.П. Серапионова, А.Ю. Тимофеев. – М.: Институт славяноведения РАН; Белград: Центр по изучению России и Восточной Европы им. М. Йовановича ФФ БУ; Архив Сербской православной церкви; Русский научный институт, 2023. – 472 с. (Шемякинские чтения. Вып. 2).

ISBN 978-86-81328-13-2
ISBN 978-5-7576-0495-4
ISSN 2949-625X
DOI 10.31168/7576-0495-4

Коллективный труд посвящен памяти видного российского историка-слависта Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018). Он является результатом научного сотрудничества российских и сербских исследователей. В фокусе внимания авторов широкий круг вопросов, охватывающий события из истории народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Европы XIX–XXI вв., как и сюжеты, относящиеся к истории исторической науки и источниковедению.

© Коллектив авторов, 2023
© Институт славяноведения РАН, 2023
© Центр по изучению России и Восточной Европы им. М. Йовановича Философского факультета Белградского университета, 2023
© Русский научный институт, 2023
© Архив Српске Православне Цркве, 2023

Андрей Владиславович Ганин

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН.
Ленинский проспект, 32 А, Москва, 119334, Россия.
andrey_ganin@mail.ru

«Честно пойти общей дорогой туда, куда влекут... жизненные потребности страны». История тайных переговоров красных и белых о сдаче Русской армии генерала П.Н. Врангеля в Крыму осенью 1920 г.¹

Статья посвящена истории тайных переговоров красных и белых о примирении осенью 1920 г. Тогда через линию фронта к красным перешел белый офицер штабс-капитан В.Б. Можаровский, сообщивший, что представляет группу оппозиционных генералу П.Н. Врангелю офицеров из белого Крыма во главе с полковником Н.Ф. Соколовским, которые хотели бы сдать Русскую армию генерала П.Н. Врангеля красным. Для реализации замысла требовались гарантии советского правительства. Предложение эмиссара белых рассматривалось в Советской России на самом высоком уровне – в обсуждении участвовали глава советского правительства В.И. Ленин и председатель Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкий. Было решено принять предложения белых оппозиционеров, назначив во главе врангелевской армии авторитетного генерала А.А. Брусилова. Однако вскоре выяснилось, что агент прибыл с фальшивым удостоверением, что привело к срыву всей операции, поскольку Можаровского сочли провокатором. Возможно, это действительно была операция белой разведки, вместе с тем имеются данные, которые свидетельствуют, что предложения белых оппозиционеров могли быть реальными. Возможно, в конце Гражданской войны, когда поражение белых стало очевидным, часть белой военной элиты решила перестраховаться и обеспечить себе безопасный переход в советский лагерь, сдав врангелевскую армию красным.

1 Выражаю благодарность Д.В. Соколову за предоставленные сведения.

Ключевые слова: Гражданская война, РККА, Русская армия, РСФСР, Украина, В.И. Ленин, П.Н. Врангель, А.А. Брусилов, борьба спецслужб, мирные переговоры

8 сентября 1920 г. в штаб советского Юго-Западного фронта был доставлен перешедший от белых поручик Вадим Борисович Яковлев, в действительности оказавшийся штабс-капитаном Всеволодом Борисовичем Можаровским. В этом не было почти ничего необычного, если бы не важное сообщение перебежчика. По его словам, в руководстве Русской армии генерала П.Н. Врангеля действовала тайная организация генштабистов, участники которой разочаровались в Белом движении, планировали свергнуть Врангеля и сдать его армию красным.

Появление эмиссара белых с важной информацией породило в Советской России серьезное обсуждение на самом высоком уровне по вопросу возможного завершения Гражданской войны, едва не закончившееся положительно для прибывшего. В 2023 г. в Центральном архиве Федеральной службы безопасности было рассекречено дело по этому вопросу. Эти материалы представляют немалый интерес для осмысления событий заключительного этапа конфликта, содержат новые данные об отношении большевистского руководства к офицерам в целом и военспецам в частности, о восприятии лидерами РКП(б) Гражданской войны и возможности замирения с противником, проливают свет на некоторые аспекты противоборства спецслужб того времени².

Кем же был пробравшийся через линию фронта белый эмиссар? Материалы дела позволяют в общих чертах реконструировать его биографию. Можаровский родился 12 февраля 1893 г. в Киеве, в семье мелкого служащего, происходил из мещан. До войны, согласно его показаниям, занимался уроками, музыкой и литературой. В 1915 г. окончил 2-е Киевское военное училище и получил чин прапорщика. Служил в 99-м пехотном запасном полку в Пензе младшим офицером, затем командовал ротой (в разных показаниях Можаровский путался – то утверждал, что это было до отправки на фронт, то упоминал, что служил там уже в 1917 г.). В 1916 г. попал на фронт, в 80-ю пехотную дивизию, командовал ротой, был ранен и контужен³. Лечился он в Киеве и Казани. В 1917 г. находился на службе в 208-м пехотном Лорийском полку и командовал ротой в 52-й пехотной дивизии.

2 В сокращенном виде опубликовано в: Ганин 2023.

3 ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 80.

В апреле 1918 г. Можаровский добровольно поступил в Красную армию. Служил адъютантом в 3-м Саратовском советском полку (по одному из его свидетельств – до 1 июня того же года). Состоял при штабе 1-й Саратовской дивизии и с 1 июня по 15 сентября (по другим его же данным, с 15 июня по 1 октября) служил инструктором для поручений и помощником начальника штаба. Затем получил назначение начальником оперативного отдела штаба 4-й армии Восточного фронта, где значился по 15 октября или по 1 ноября (Можаровский указывал различные даты). Якобы его знали член РВС армии В.В. Куйбышев и начальник политотдела П.М. Войтик. Со 2 ноября 1918 г. по 10 (в другой версии, по 15-е) января 1919 г. Можаровский служил правителем дел при управлении военных заготовок 1-й армии Восточного фронта, а в январе – мае 1919 г. (по другим данным, с 12 февраля по 1 мая) был старшим инструктором отдела всеобщего военного обучения Саратовского уездного военного комиссариата. Разница в датах может свидетельствовать как о забывчивости Можаровского, так и о том, что он путался в показаниях.

Позднее был командирован в Киевский окружной военный комиссариат, где с июля 1919 г. служил адъютантом начальника оперативного отдела. Затем Можаровский попал в штаб Сводного отряда Трипольского направления под командованием В.Б. Яковлева (его именем он годом позже и назовется при пересечении линии фронта), где стал помощником начальника штаба и начальником штаба (в других показаниях это датировано периодом с 9 июня по 1 сентября). Наркомом по военным делам Украинской ССР Н.И. Подвойским был награжден часами с надписью «Красному храброму воину». По словам Можаровского, Подвойский его знал по Переяславской и Тираспольской операциям 1919 г. Знал его и видный украинский коммунист Н.А. Скрипник (в 1919 г. –особоуполномоченный Совета обороны при Сводном отряде Трипольского направления, где находился и Можаровский). Также Можаровского знал Киевский губернский военный руководитель и военный комиссар П.А. Павлов. Казалось бы, речь шла об образцовом военном специалисте.

Но в биографии Можаровского далеко не все однозначно. В Киеве осенью 1919 г. он попал в плен к белым и, по его словам, даже содержался в Лукьяновской тюрьме⁴. Это подтвердил впоследствии очевидец событий, видный деятель антибольшевистского подполья в Киеве, тогда еще подполковник (позднее – полковник) Н.Ф. Соколовский⁵, отметив-

4 Там же. Л. 56, 79.

5 ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 87.

ший, что тот просидел 10-12 дней⁶. По данным доклада последнего белому командованию в 1919 г., Можаровский участвовал в работе белого подполья⁷. Правда, в показаниях 1922 г. Соколовский пытался доказать, что Можаровский являлся лишь его случайным знакомым и ревностным сторонником советской власти⁸. Тем не менее, именно Соколовский помог Можаровскому освободиться из тюрьмы. Если верить показаниям Можаровского, по освобождении из киевской тюрьмы он уехал в Крым. В дальнейшем стал служить белым и даже был произведен в штабс-капитаны. Успешной интеграции в деникинскую армию способствовало сотрудничество с Соколовским.

Итак, в биографии Можаровского уже не раз встречается фамилия Соколовский. Этот офицер играл ключевую роль в истории с примирением 1920 г., поэтому необходимо дать характеристику и ему. Н.Ф. Соколовский окончил Военную академию, был героем Первой мировой войны, кавалером Георгиевского оружия. У красных в 1919 г. он служил в мобилизационном отделе Киевского губернского военного комиссариата, был помощником начальника отдела обороны организационного управления штаба наркомата по военным делам Украинской ССР. Одновременно тайно состоял в киевском белом подполье и вел активную подрывную работу⁹. Затем при оставлении красными Киева перешел к белым. Интересно, что в докладе белому командованию Соколовский выделил в качестве наиболее активных сотрудников одновременно и Яковлева, и Можаровского.

У белых Соколовский тогда якобы числился в резерве чинов, но, по другому его же свидетельству, служил в Кавказской и Кубанской армиях по военным сообщениям, в белом Крыму занимался ликвидацией дел Кубанской армии, а затем состоял в резерве офицеров Генштаба. В 1922 г. на суде он рассказал об эволюции своих взглядов в период Гражданской войны: «Постепенно произошел перелом, и появилась мысль, не окончить ли вооруженную борьбу. Немногие были уверены в возможности продолжения ее»¹⁰. По-видимому, весомым мотивом для Соколовского стала тоска по семье, находившейся на советской территории. Как он показал на допросе в июне 1922 г., «с весны 1920 года я всеми силами

6 Там же. Л. 87об.

7 РГВА. Ф. 7. Штаб РККА. Оп. 8. Д. 321. Л. 19об.

8 ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 87.

9 Подробнее см.: Донесения белых агентов в Красной армии. 1919 г. / публ. А.В. Ганина // Вопросы истории. 2012. № 6. С. 3-20.

10 ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 147об.

старался уйти из Добрармии, на это меня толкала еще и оставленная в России семья. Я решался на самые разнообразные поступки, чтобы вновь быть в России. Идея Родины и тоска по семье сделали свое дело... Будучи и в Крыму, и в эмиграции (Конст[антинопольский] район), я всегда говорил о никчемности белой идеи, я боролся, насколько мог с ней»¹¹.

Способом окончить братоубийственную войну казалось вступление в переговоры с красными, а также заговор против главнокомандующего генерала П.Н. Врангеля и внутренний переворот. Для достижения этих целей Соколовский стал объединять офицеров в тайную организацию, которую и возглавил. Организация состояла, в основном, из генштабистов.

На другом допросе Соколовский отметил:

«Ясно сознавалось, что агония белого движения продлится еще, но выхода нет. Начались искания связи с Сов[етской] Россией.

Небольшая группа офицеров Генштаба, в которой был и я, определенно решила, что дальнейшая борьба пагубна, что нужен героический шаг, чтобы предотвратить излишнее пролитие крови. Вновь ставился вопрос о связи с Сов[етской] Россией. Получалось своего рода тайное общество, которое начало принимать конкретные формы. Каждый из инициаторов должен был организовать ячейку в 5-6 человек единомышленников. Общая и конечная цель ставилась «связаться с Сов[етской] Россией и сов[етской] властью, получить согласие, а затем идти на переворот и прекращение Гражданской войны»¹². На суде в 1922 г. Соколовский говорил об этом обезличенно: «Образовалась группа оппозиции. Она считала борьбу против России невозможной. Решили ликвидировать весь крымский вопрос. Связь была затруднительна, но все же решено было связаться с Сов[етской] Россией»¹³.

Из этих показаний невозможно понять, кто же создавал такую группу.

Встреча Можаровского с Соколовским после длительного перерыва произошла, если верить показаниям первого, 15 марта (по старому или новому стилю – неизвестно) 1920 г. в Керчи. Эти показания совпадают с тем, что в 1922 г. рассказал следователям Соколовский¹⁴. Последний свидетельствовал:

11 Там же. Л. 23-23об.

12 Там же. Л. 25об.

13 Там же. Л. 147об.

14 Там же. Л. 87об.

«Наша встреча заставила нас высказаться относительно общего положения. Мы оба стояли на точке зрения полного прекращения Гражданской войны и полной неспособности белых вести дело «спасения России». Мы много говорили о безобразиях белых, о воровстве, бесчинствах и невольно вспоминали Красную армию, где этого было меньше. Я чувствовал полное разочарование Можаровского, но всех карт не раскрывал. Я ему обещал спастись от службы на фронте, где напрасно лилась кровь. Мы достали себе частные паспорта и подготавливали все, так как хотели жить частными лицами.

Повторяю, что всех карт я не открывал Можаровскому, хотя в это время образовалась значительная группа, которая вместе со мной решила войти в связь с Сов[етской] властью. В конце апреля, после неоднократных встреч я больше откровенничал перед Можаровским, и с его стороны встречал полное сочувствие. Наш лозунг был “нужно во что бы то ни стало прекратить Гражд[анскую] войну и войти в связь с Сов[етской] Россией”¹⁵.

Фактически Соколовский втянул своего знакомого в антиврангелевскую организацию.

Соколовский установил связь с большевистским подпольем в Керчи, в котором работали Межгоровский, Медведев и Леонова. Лидия Леонова фигурировала в деле о раскрытии белыми керченского подполья и обвинялась в недонесении, но решением военно-полевого суда от 14 (27) июня 1920 г. была оправдана¹⁶. По словам Соколовского, полной информации о керченских большевиках у него не было. Интересно, что впоследствии он представил свою антиврангелевскую организацию едва ли не частью керченского большевистского подполья:

«Во главе стоял подпольный коммунист Межгоровский. Насколько была многочисленная организация, мы подробно не знали, так [как] были разбиты на “пятерки”, знавшие только номер и своих коллег. Можаровский был со мной в одной “пятерке”. Мы вербовали единомышленников, собирались, беседовали, разрабатывали планы наших действий в Крыму для захвата власти и для прекращения Гражданской войны»¹⁷.

Оценить фактическую сторону тех событий затруднительно, поскольку в конце апреля 1920 г. белая контрразведка частично разгромила керченское большевистское подполье, действовавшее на протяжении второй половины 1919-1920 г. (подпольный горком РКП(б), который гото-

15 Там же. Л. 87об.-88.

16 Борьба за Советскую власть в Крыму. Док. и мат. Симферополь, 1961. Т. 2. С. 254.

17 ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 88-88об.

вил восстание)¹⁸. 29 апреля на квартиру одного из подпольщиков ворвались контрразведчики. Находившиеся там члены подпольного горкома И.Д. Громозда, подпоручик Ф.В. Корнилов и гражданин Литвы Р.В. Шмидт (Кванте) оказали сопротивление и бежали, но затем были арестованы, а летом после пыток казнены¹⁹. После арестов членов горкома прокатилась волна арестов рабочих и профсоюзных деятелей. Отметим, что фамилия Межгоровский, если судить по опубликованным документам и исследованиям, среди руководства керченского большевистского подполья не встречается. Таким образом, вопрос о том, существовали ли действительно связи Соколовского с большевистским подпольем или же речь шла о провокации белых спецслужб, остается непроясненным.

Чтобы вступить в переговоры с противником, необходимо было переправить надежного человека через линию фронта с тем, чтобы эмиссар добрался до каких-либо должностных лиц красных. Такая задача возникла в конце мая – июне 1920 г. (возможно, Соколовский указывал даты по старому стилю).

В Советскую Россию отправился сам Соколовский, тем более, что в Мариуполе проживала его семья. Можаровский знал об этой поездке. На допросе в 1920 г. он показал:

«В июне месяце с/г Соколовский сам лично был в г. Бердянске, где говорил по поводу организации с военкомом т. Дима и сотрудником политотдела 13[-й] армии т. Кулаковым и предлагал свои услуги. Ему было предложено ехать в Харьков или в штаб 13[-й] армии, но он не рискнул, не располагая достаточным временем. Там же он несколько дней был под арестом, но затем был освобожден и, видимо, получил какие-то инструкции. Он сам говорил, что в залог своих предложений он предоставил свою семью, находящуюся в г. Мариуполе; точный адрес можно узнать через доктора Милославского в Мариуполе же»²⁰.

Соколовский вспоминал на допросе в 1922 г.:

«В 20-х числах мая 1920 года я получил предложение пробраться на Бердянск, где связаться с первыми представителями сов[етской] власти. Связаться с Таманью не удалось, хотя попытки были. На небольшом суденышке пробрался к русским берегам, где высадился у Петров-

18 Крестьянников 2004: 216; Кирмель 2013: 133-134.

19 Пирогов Р.А. Знамя над Митридатом. Воспоминания старого большевика. Симферополь: Таврия, 1973. С. 127; Ремпель Л.И. Комсомол в Крыму. Симферополь: Крымгосиздат, 1927. С. 64; Спиридонов П.И. Большевики в тылу белогвардейщины. Керчь: издательство «Керченский рабочий», 1940. С. 60-61; Гусаров, Чуистова 1955: 137.

20 ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 53.

ской слободы (близ Бердянска), явился в волостной исполком и на другой день в бердянский пар[т]ком. Я изложил все дело, обрисовал общую обстановку, предупредил о готовящемся десанте, просил санкции и самого быстрого обратного отправления. Пар[т]ком все выслушал, обещал сделать все возможное, но, по-видимому, начало боев помешало прийти к какому-либо решению.

Я просидел около 2-х недель, был оставлен пар[т]комом при отходе из Бердянска для следования в Крым. В Крым я пробрался с беженцами, но дать исчерпывающий ответ своей группе не мог»²¹. В других показаниях Соколовский отметил, что его миссия сорвалась из-за событий на фронте и эвакуации Бердянска красными²². По-видимому, все это было правдой. Во всяком случае, Соколовский в 1922 г. просил следователя устроить очную ставку с Можаровским и «затребовать от бердянского пар[т]кома копии записанного моего устного доклада в конце мая 1920 г. Председатель пар[т]кома был Максимов, секретарь Вестфаль (или Вествален). Пред[седатель] ревкома был Кулаков. Мой доклад я делал пар[т]кому, когда искал связи с Сов[етской] Россией от имени группы керченцев»²³. На суде в 1922 г. Соколовский повторил свой рассказ о поездке, снабдив его дополнительными подробностями: «Жребий пал на меня, и мне было поручено поехать. Нужно было на рыбацкой лодке переправиться к Бердянску. Это было в 1920 году. Мы высадились верстах в 8-10 от последнего. Я явился в волысполком и меня препроводили в Бердянск. Здесь я был в исполкоме, в парткоме. Партком собрал собрание. Председателем был Максимов. Здесь были и представители О[собого] о[тдела] 13[-й] армии. Я сделал подробный доклад о положении в Крыму. Обещали дать исчерпывающий ответ. Я просил назначить ответственного человека в роли объединителя. Я еще предупреждал об одной опасности. Я жил в советском доме под некоторым наблюдением. Бердянск был оставлен. Я остался там. Поездка не дала результатов. Я эвакуировался обратно к Керчи и сообщил своим помощникам. Связь порвалась и только через некоторое время удалось ее хотя [бы] несколько наладить»²⁴.

Пока Соколовский отсутствовал, белая контрразведка примерно на 10 дней арестовала Можаровского, подозревая в нем советского агента, но затем его отпустили. Вернувшийся Соколовский продолжил работать с Можаровским и рассказал тому о неутешительных результатах поездки.

21 ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 26.

22 Там же. Л. 88.

23 Там же. Л. 90.

24 Там же. Л. 147об.

После этого решено было послать другого эмиссара. Инициативу проявил Можаровский, после чего Соколовский ввел его в курс дела относительно тайной антиврангелевской организации. Тогда же, летом 1920 г., Соколовский представил Можаровского помощнику обер-квартирмейстера отдела Генерального штаба полковнику А.Т. Гаевскому и 2-му генерал-квартирмейстеру полковнику П.Е. Дорману (по свидетельству Можаровского, Соколовский и Дорман представили его Гаевскому²⁵). Гаевский был опытным контрразведчиком, лояльным Врангелю (позднее в эмиграции он руководил врангелевской разведкой). Для знакомства с ним Соколовский выдал Можаровскому фиктивное удостоверение добровольца с 1918 г. и первопоходника, аттестовав крупным помещиком Московской и Саратовской губернии²⁶. Это должно было развеять предубеждения, так как к бывшим военспецам белые относились настроенно.

Через 12-15 дней после представления Можаровского назначили начальником саратовского центра и направили для подпольной работы в Советскую Россию. В Саратове на Нижней улице, 90-92, кв. 3 проживала мать Можаровского (по 2-му браку Кононович-Горбатская), его бабушка, 76-летняя Александра Васильевна Михайленко и сын Борис 5 лет. Таким образом, агент ехал к себе домой. Супруга Анна Акимовна не упоминалась. Можаровскому выдали фальшивый бессрочный паспорт на имя Александра Лаврова, однако он оставил этот документ Соколовскому. Также Можаровский получил 3,5 млн. руб. (советскими и донскими), из которых взял 200 000 руб. с собой (150 000 советских и 50 000 донских), а остальное оставил Соколовскому на нужды организации.

Гаевский подробно проинструктировал агента о способах ведения работы. Дал совет ехать, подкупая проводников в поездах или с удостоверением железнодорожного служащего. Что касается явки в главный центр, то условились, что Можаровский из Саратова вышлет курьера с извещением, что прибыл, а после этого из Крыма дадут явку. Заранее же ее давать не будут из конспирации.

Организация белой разведки на советской территории была преобразована после некоего Симинского, по-видимому, агента. Были упразднены так называемые маяки – места остановок по дороге, сменились и кадры разведчиков. Теперь белые агенты должны были сами организовывать ячейки в РККА и кооперативах, налаживать связи на местах. На случай прибытия кого-то до возвращения курьера из главного центра

25 ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 48.

26 Там же. Л. 54.

Можаровскому дали пароль: «Юрий Дмитриевич выехал из Владивостока в Читу». По этому паролю следовало выполнить всякое приказание и отчитаться. Для приемки курьеров от Можаровского давались пароли по первым буквам его фамилии: М-ария; О-са; Ж-ар; А-рго; Р-ов; О-вод; В-оск; С-он; К-иев; И-она. Пароли и текст сообщения следовало зашифровать самому Можаровскому шифром «Сокол». Гаевский также сообщил, что организует общий тайный контроль над работой центров – все сведения будут проверяться на местах особыми агентами. При Можаровском Гаевский однажды беседовал с агентом о переписке с Москвой и Петроградом и отправке туда неких Шуваева (Чуваева) или Трусова. Через них шла корреспонденция Гаевского в Москву²⁷.

Можаровский должен был держать связь с Москвой, где находилась семья упоминавшегося выше Симинского, а также брат и супруга его помощника Гертхена. Последний служил на главпочтамте Москвы или в одном из почтовых отделений. Двое родственников Гертхена служили офицерами в белом Крыму.

В период подготовки миссии возникла фамилия Брусилова. По показаниям Можаровского, в июле 1920 г. в Севастополе они с Соколовским побывали у друга последнего и члена организации Максимовского – помощника начальника отдела печати врангелевского правительства. После телефонного разговора тот сообщил сотруднику о запрете в печати бранных слов в адрес генерала А.А. Брусилова, находившегося в Советской России²⁸. Можаровского такая забота удивила. После они с Соколовским обсудили вопрос о возможном сотрудничестве Брусилова с белыми. Соколовский согласился с таким предположением, поскольку иного объяснения не было. Если речь шла об операции белой разведки, то, возможно, таким способом белые пытались скомпрометировать Брусилова перед красными.

Командируемого Соколовский снабдил необходимыми удостоверениями. 18 (31) июля 1920 г. Можаровский получил удостоверение на ткани («полотнянку»), которое подписали полковники П.Г. Архангельский и А.Т. Гаевский, курировавшие в белом Крыму засылку агентуры на советскую территорию. Документ заверяла печать помощника оберквартирмейстера отдела Генерального штаба. «Полотнянки» или документы на ткани были удобны тем, что зашивались в одежду и не могли обнаружиться, даже в случае досмотра вещей. Вторую «полотнянку» Можаровский получил от керченской большевистской организации, и речь о ней

27 Там же. Л. 89об., 90об.

28 Там же. Л. 50, 86об.

пойдет ниже. Это удостоверение должно было облегчить переход линии фронта и позволить добраться до ближайшего красного штаба, тем более, что наряду с официальным заданием существовало и второе – прибыть в политотдел 13-й красной армии, где сообщить о наличии у белых тайной оппозиционной офицерской организации.

В Керчи перед отъездом Можаровского в Советскую Россию Соколовский давал тому последние инструкции. По словам Соколовского, они были следующими:

«Словесно

1) Каким угодно способом пройти линию и явиться в первую же войсковую часть Красной армии для направления в штаб.

2) В одном из высших штабов дать полную ориентировку для чего прибыл.

3) Обрисовать общее положение Крыма, настроение войск, масс населения, политическую обстановку и название краха.

4) Дать сведения о группе лиц, ищущих связи с Сов[етской] Россией, их желание оказать помощь, необходимость получения инструкций и руководства, необходимость связи.

5) В случае краха сохранность имущества и недопускание истреблять народное достояние.

6) Если борьба затянется, вести работу на прекращение Гражданской войны среди населения и войск Крыма.

7) Получивши инструкции и задачи, надлежит возможно скорее вернуться.

8) Всякая задача Сов[етского] пр[авительства] приемлема для нашей группы лиц.

9) При командировке дан Можаровскому мандат за подписью Межгоровского»²⁹.

Можаровский якобы собирался рассказать в политотделе о Брусилове, но Соколовский его отговорил, т.к. имя Брусилова нужно было тайной организации (лишь в ноябре 1920 г. Можаровский рассказал об услышанном в белом Крыму по этому вопросу³⁰).

Предоставим слово самому Можаровскому, который на допросе в декабре 1920 г. подробно рассказал о своей миссии:

«В июне для организации явилась потребность войти в связь с Советским правительством и для командировки сюда выбор остановился на мне. Мне поручили получить инструкции, назначение на место Вран-

29 ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 89.

30 ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 50об.

геля Соколовского, воззвания Совнаркома и Брусилова и материальную поддержку. Я просил в доказательство серьезности предложений дать мне секретные оперативные сведения для передачи командов[анию] Красной армии, но вместо этого меня предложили провести в отд[ел] Генер[ального] штаба и рекомендовать для работы в тайных белых организациях на территории Сов[етской] республики, т.к. получивши такое назначение, я бы имел возможность выдать их Советскому правительству и этим доказать серьезность предложений организации. После выдачи белых организаций я с документами от Советского правительства должен был ехать обратно в Крым. Но для этого предварительно надо было послать курьера в Севастополь в отд[ел] Генер[ального] штаба с извещением о том, что я прибыл в Саратов благополучно, после чего меня должны были оттуда связать с главным белым центром, т.к. при отправлении явки не дали. Новые организаторы белых Архангельский и Гаевский реформировали дело, упразднив в целях конспирации промежуточные маяки и перестали давать явки при отправлении из боязни провала дела.

Соколовский же снабдил меня удостов[ерением] керченской организации РКП, с которой он вошел в связь (с тов. Межгоровским, Медведевым и Леоновой) для того, чтобы беспрепятственно добраться до штаба армии»³¹.

Таким образом, никакой конкретной информации о работе белой разведки в Советской России Можаровский предоставить красным не мог.

Соколовский свидетельствовал в 1922 г.:

«Начались новые искания, и для связи был выбран Можаровский, который должен был пробраться через фронт и во что бы то ни стало связаться. В августе Можаровский с полномочиями отправился, но затем пропал и не вернулся, не дал о себе никакого сведения. Это была еще одна неудача»³².

В других показаниях Соколовский сообщил примерно то же:

«Решено было Можаровского командировать для получения инструкции, для установления связи и для доклада об общем положении дел в Крыму. В конце или середине августа Можаровский ушел. Инструкцию давал я ему от имени организации. Мандат подписал Межгоровский. Мы ждали Можаровского через 20-25 дней самое большее, но он ушел и пропал. Больше я ничего о нем не знаю»³³.

Что же случилось с белым эмиссаром?

31 Там же. Л. 56об.

32 ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 26-26об.

33 Там же. Л. 88об.

Перебежчика доставили в Харьков, где он три недели прожил у начальника Особого отдела советского Юго-Западного фронта (эту должность занимал впоследствии одиозно известный организатор массового террора в Крыму чекист Е.Г. Евдокимов), посещал городскую общественную библиотеку (в деле сохранился датированный 10 сентября документ о получении от «В.Г. Яковлева» залога в 100 руб. по абонементу³⁴) и ждал решения по поводу своих предложений.

Почему Можаровский назвался Яковлевым? Не исключено, что этот вопрос может иметь значение. Прежде всего, речь шла не о вымышленном, а о реальном лице, причем советском военном деятеле, военспеце и бывшем поручике. В.Б. Яковлева знали и Можаровский, и Соколовский. Вместе они оказались на территории белых после оставления красными Киева в 1919 г. Кроме того, Соколовский упоминал Яковлева в 1919 г. как своего сотрудника по белому подполью (в 1922 г. они оба это опровергли). Было известно и то, что уже осенью 1919 г. после непродолжительного пребывания на территории белых, где он скрывался от властей, Яковлев бежал обратно к красным³⁵. Помог ему в этом Можаровский, снабдивший его деньгами и документами³⁶. Таким образом, Можаровский был не просто знакомым Яковлева, а его доверенным лицом, человеком, который его не выдал белым. Можно предположить, что у Можаровского или Соколовского остались подлинные документы Яковлева времен службы того в РККА, что позволило бы обладателю таких документов легализоваться в Советской России. Возможно, фамилия Можаровского была скомпрометирована у красных, поэтому использовать ее при переходе линии фронта было бы нежелательно. Наконец, псевдоним Яковлев мог служить сигналом для единомышленников в РККА, например, если бы перебежчик попал в Киев, где они вместе с Яковлевым служили ранее. На сентябрь 1920 г. настоящий Яковлев был начальником штаба народного комиссариата по военным делам Азербайджанской ССР и откомандировывался в штаб 11-й армии³⁷. Следовательно, отношения к рассматриваемой операции он иметь не мог. Яковлев не был малоприметным красным командиром, поэтому псевдоним могли легко раскрыть. Таким образом, использование псевдонима было

34 ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 95.

35 ГА РФ. Ф. 10035. Управление КГБ СССР по г. Москве и Московской области. Оп. 1. Д. П-52245. Л. 13об.

36 ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 143, 204.

37 ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-52245. Л. 11.

временной мерой, чтобы перебежчик добрался до ближайшего крупного штаба, где мог бы раскрыть свою настоящую фамилию.

Можаровский сообщил красным, что в тайной организации состояли 30 генштабистов во главе с полковником Н.Ф. Соколовским, а также по одному – два человека в каждом штабе дивизии и корпуса. Офицеры могли исполнять те или иные подрывные приказы и вести пропаганду на случай переворота в белой верхушке, организовывать диверсии и восстания в частях. Их общим желанием было поскорее завершить Гражданскую войну. Компромиссной фигурой для объединения разочаровавшихся белых с красными мог стать бывший генерал А.А. Брусилов.

В подготовленном Можаровским для красных докладе «Общая обстановка в Крыму» говорилось о патриотических настроениях белых в связи с Советско-польской войной. Отмечалось, что врангелевцы радовались успехам Красной армии на польском фронте, считая, что поляки воюют не с большевиками, а с Россией³⁸. Большевиков стали считать «собирателями земли русской». Яковлев-Можаровский отмечал, что только РКП(б) проводила идею великой и неделимой России, возможно даже помимо своей программы и желания. В докладе содержались славословия в адрес большевиков, утверждалось, что по сравнению с РКП(б) в Гражданскую войну никто не смог так сорганизоваться. Из доклада следовало, что в среде белого офицерства распространялось недоверие к высшему командному составу. Тем не менее, на сторону красных переходить опасались, боясь репрессий. Также Можаровский сообщил, что глава их тайной организации связан с большевистским подпольем в Керчи³⁹.

Замысел белых оппозиционеров якобы заключался в том, чтобы, «не сходясь в отдельных пунктах программы и тактики, в интересах государства... сойтись в общем и честно пойти общей дорогой туда, куда влекут исторические законы и жизненные потребности страны»⁴⁰. В интересах страны предлагалось сохранить боеспособную врангелевскую армию, но с другим главнокомандующим. Предполагался переворот и арест Врангеля и группы из 20-30 его ближайших соратников, подписание Врангелем отказа от власти и передача ее другому лицу по выбору организации. Например, генералу П.Н. Шатилову, «которого можно купить»⁴¹. Все это выглядело неубедительно, но интересно, что в деле о еще

38 ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 26об.

39 Там же. Л. 31об.

40 Там же. Л. 29.

41 Там же.

одной попытке переговоров с красными, относящемуся к лету 1920 г., также фигурировал Шатилов⁴².

Организация предлагала следующие условия для переговоров с СНК⁴³:

1. Полная амнистия младшего и среднего командного состава. Судьба главарей оставалась на усмотрение советского правительства;
2. Предоставление возможности непримиримому элементу выехать с семьями за границу без права возвращения;
3. Ввод в Крым частей РККА только по вызову нового состава командования. Причины: возможность враждебных действий флота Антанты; самостоятельная защита Крыма бывшими белыми станет агитационным козырем, а ввод частей РККА может вызвать эксцессы; 2-3 недели потребуется для приведения крымской армии (бывшей Русской) в порядок;
4. Глава организации Соколовский назначается главкомом крымской армии;
5. Назначение в части комиссаров и политработников по соглашению с новым командным составом крымской армии;
6. Гражданская власть строится усилиями местных подпольных организаций РКП(б);
7. Деньги донские и добровольческие имеют хождение на время по усмотрению советского правительства.

Такие предложения выглядели странно. Если их выдвигали генштабисты, непонятно, почему у них в приоритете оказалась амнистия младшего и среднего командного состава, каковы были полномочия недовольных Врангелем и могли ли они на самом деле захватить власть. В качестве гарантии Можаровский предлагал выдать красным разведывательную сеть белых на советской территории, однако и здесь была странность – сделать это он мог, только отправив сообщение в белый Крым, что добрался до Саратова, тогда бы из Крыма, как уже отмечено, прислали явки.

Перебежчик потребовал выпустить воззвание СНК к белым, назначить в Крым главкома, выпустить воззвание генерала А.А. Брусилова, дать письменные инструкции и полномочия, назначить в Крым советского представителя при главкоме, который бы туда поехал вместе с самим Можаровским и выдать 10 миллионов рублей николаевскими и

42 ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 670.

43 ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 29об.-30.

думскими (деньгами выпуска Временного правительства). Все документы нужно было заготовить в миниатюрном виде (сфотографировать).

О необычном перебежчике уведомили члена РВС Юго-Западного фронта С.И. Гусева, а тот проинформировал председателя Совнаркома В.И. Ленина. В те недели успехи на польском фронте для красных сменились неудачами, тяжелым было и положение на врангелевском фронте, в связи с чем Ленин ухватился за возможность ликвидировать белых, чтобы высвободить силы. 8 сентября он отправил шифротелеграмму находившемуся в Минске председателю РВСР Л.Д. Троцкому: «По-моему, надо отнестись архисерьезно ввиду всего положения и 1) тотчас запросить главкома; 2) поставить сегодня вечером в ЦК»⁴⁴.

Во избежание провокации решено было назначить главкомом бывшей врангелевской армии не подозрительного Соколовского, оставшегося в Крыму, а популярного и находившегося в Москве под контролем властей бывшего генерала А.А. Брусилова. Временно до прибытия Брусилова армией должен был командовать Соколовский.

Мысль о возможной сдаче в плен всей врангелевской армии настолько взволновала большевистского лидера, что на следующий день он направил Троцкому еще одну шифротелеграмму:

«Переданное вам от Гусева предложение Яковлева, касающееся крымской армии, нахожу архиважным. Советую предложение принять и назначить особую проверку, а независимо от нее тотчас же изготовить обращение-манифест за подписью Вашей, Калинина, моей, главкома, Брусилова и ряда других бывших генералов с точными предложениями и гарантиями, равно с указанием на судьбу Восточной Галиции и на рост наглости поляков. Прошу Вашего скорейшего заключения, а лучше бы и Вашего проекта манифеста»⁴⁵.

Троцкий действительно составил проект воззвания, который затем был доработан, возможно, при участии Ленина⁴⁶.

Переговоры волновали Ленина и все последующие дни. 10 сентября он направил Троцкому по прямому проводу секретную записку в связи с отсутствием ответа на срочный запрос⁴⁷, а 11-го передал выработанный С.И. Гусевым план дальнейших действий⁴⁸. Эту историю Гу-

44 The Trotsky Papers 1917–1922. Hague; Paris, 1971: Mouton. Vol. 2. P. 282.

45 Ibid. P. 282–284.

46 Исходный текст см.: Ibid. P. 286–288.

47 Ibid. P. 288.

48 Ibid. P. 290.

сев назвал «делом с псевдонимом». 12-го Троцкий одобрил план Гусева, а 13-го стороны обсудили дальнейшие действия.

О том, что дело рассматривалось на самом высоком уровне, свидетельствуют даже надписи на конвертах, которые сохранились – один из них адресован заместителю председателя РВСР Э.М. Склянскому, другой – члену РВСР С.И. Гусеву от Склянского с пометками «исключительно лично, вскрыть лично» и совершенно секретно⁴⁹.

12 сентября в газете «Правда» было опубликовано воззвание к офицерам армии Врангеля, подписанное председателем ВЦИК М.И. Калининым, председателем СНК В.И. Лениным, председателем РВСР Л.Д. Троцким, главкомом С.С. Каменевым и председателем Особого совещания при главкоме Брусиловым. Адресатам обращения сообщали: «Каковы бы ни были ваши первоначальные намерения, вы являетесь сейчас не чем иным, как наемным войском на службе биржевого капитала и вспомогательным отрядом кровожадной и хищной польской шляхты, ненавидящей трудовой русский народ»⁵⁰.

В документе отмечалось:

«Не слишком ли ясно теперь для всех, что затягивание борьбы в Крыму, бесцельное само по себе, способно только усилить польских панов и помочь им держать в их кабале Восточную Галицию. Рабоче-Крестьянская Россия нуждается в труде, в хозяйственном и культурном возрождении. Оно может быть достигнуто лишь путем прекращения бессмысленной и бесполезной Гражданской войны... Полную амнистию мы гарантируем всем, переходящим на сторону Советской власти. Офицеры армии Врангеля, рабоче-крестьянская власть последний раз протягивает вам руку примирения»⁵¹.

В виде листовки обращение распространялось в белом лагере. Многие врангелевские офицеры, поверив авторитету и обещаниям Брусилова, остались в Крыму при занятии его красными осенью 1920 г. и были расстреляны. Впоследствии пожилой генерал утверждал, что якобы не подписывал воззвание, а был обманут и даже помышлял о самоубийстве, но как верующий не мог пойти на такой шаг.

В деле Можаровского сохранилось карандашное обращение к офицерам и солдатам крымской армии, вероятно, написанное самим перебежчиком. В нем есть и такие строки:

49 ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 76, 78.

50 Там же. Л. 85; Правда. 1920. 12. IX. № 202: 1.

51 ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 86; Правда. 1920. 12. IX. № 202: 1.

«Весь русский народ и вся русская интеллигенция, которые прежде саботировали, теперь идут рука об руку с нами и светлыми глазами смотрят на будущее... Россия едина и без вас, но почему же ваш вождь Врангель сам вносит сепаратизм и дает полную автономию в управлении Кубани, Дона, Астрахани, Терека? Разве это “неделимая Россия”? Опомнитесь же пока не поздно, не верьте, что вас будет ждать расстрел и переходите к нам!»⁵²

16 сентября был составлен приказ председателя РВСР № 242 о назначении Брусилова командующим бывшей армии Врангеля: «Председатель Особого совещания при главнокомандующем А.А. Брусилов назначается командующим всеми войсками, находящимися ныне под командой барона Врангеля с непосредственным подчинением А.А. Брусилова главнокомандующему»⁵³. Занять соответствующий пост Брусилова уговорил заместитель председателя РВСР Э.М. Склянский.

Следующий приказ № 243 гласил, что «впредь до вступления А.А. Брусилова в исполнение обязанностей, временное командование указанными в приказе № 242 войсками возлагается на Генштаба Соколовского»⁵⁴. Оба приказа подписали Троцкий и главком С.С. Каменев.

В тот же день Брусилов подписал свой первый и последний приказ по врангелевской армии:

«Вступая в исполнение обязанностей командующего всеми вооруженными силами, состоящими в подчинении барона Врангеля, объявляю:

1. Командование возложено на меня центральной советской властью как выражение факта полного прекращения Гражданской войны со стороны бывших врангелевских войск, полного их примирения со всей Российской республикой и полного их подчинения советской власти и советскому командованию;

2. При соблюдении этого условия гарантируется полная амнистия всем участникам Гражданской войны против Советской России в составе бывших врангелевских войск;

3. Ответственность за безусловное выполнение моих приказов возлагаю на всех командиров частей и военных судов по принадлежности.

52 ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 68.

53 Там же. Л. 83.

54 Там же. Л. 82; *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 51. С. 277, 452. Приставка «Генштаба» перед фамилией употреблялась в РККА в условиях упразднения прежних чинов для обозначения выпускников Николаевской академии Генерального штаба (Императорской Николаевской военной академии).

В отношении тех лиц командного состава и тех рядовых солдат и матросов, которые не пожелали бы подчиниться советской власти, предоставляется им право выбыть за границу, в противном случае они должны быть арестованы и преданы суду. Разбор этого вопроса и его решение предоставляется совести начальников частей и руководителей. Сурово ответят те, кто даст возможность явным и упорным врагам соединения с Советской Россией проникнуть в ее пределы, ибо такой шаг в корне противоречил бы той цели, во имя которой мне поручено командовать вами, то есть цели прекращения Гражданской войны.

В заключение долгом почитаю высказать нижеследующее: в течение долгой моей военной работы, которая протекала при разных государственных режимах, я исключительно имел в виду интересы России так, как я их понимал. И сейчас я буду почитать себя счастливым, если вступление мое в командование вами будет означать полное прекращение Гражданской войны в нашей дорогой Родине, что в свою очередь сразу послужит возвеличению мощи трудовой России, упрочению ее международного положения, росту ее экономической силы и культурного преуспеяния.

Да сгинет раздор и бесцельная преступная Гражданская война!

Да здравствует единение крымских войск с трудовой Россией!

Командующий всеми вооруженными силами, состоящими в подчинении барона Врангеля Брусилов»⁵⁵.

Предполагалось, что Можаровский вернется в Крым с подлинниками воззвания к врангелевским офицерам и приказов Троцкого о назначениях Брусилова и Соколовского.

Сам же Брусилов вынашивал планы антибольшевистского переворота. В своих воспоминаниях он писал:

«Я думал: армия Врангеля в моих руках плюс все те, кто предан мне внутри страны и в рядах Красной армии. Конечно, я поеду на юг с пентаграммой, а вернусь с крестом и свалю захватчиков и безумцев в лучшем случае.

Суди меня Бог и Россия»⁵⁶.

Брусилов собрал единомышленников (бывшего генерала Г.Н. Хвощинского, своего знакомого В.П. Засецкого и других) и договорился с ними о координации действий. Однако чекисты Брусилову не доверяли и держали его под постоянным наблюдением. Прослушивался даже телефон пожилого генерала, а работой с Можаровским и Брусиловым за-

55 ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 84.

56 Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: Олма-пресс, 2004. С. 284.

нимался один и тот же сотрудник Особого отдела ВЧК – Я.С. Агранов⁵⁷. Однако в какой степени ВЧК оказалась осведомлена о намерениях Брусилова, неизвестно.

Эмиссар белых, похоже, всерьез готовился к возвращению в Крым, считая успех своей миссии обеспеченным. 17 сентября датировано обращение «Яковлева» из Особого отдела Юго-Западного фронта к Егорову (возможно, к командующему фронтом А.И. Егорову) с просьбой выдать шинель или пальто⁵⁸. Но, несмотря на одобрение на самом высоком уровне, план сорвался. Брусилов вспоминал: «Мы все обдумали, распределили должности... И ждали день, другой, третий. Складский ничего не давал знать. А гораздо позднее он сообщил мне..., что сведения были неверные, бунта никакого не было и что все таким образом распалось»⁵⁹.

Решающим обстоятельством стало обнаружение у Можаровского через несколько дней фальшивого удостоверения («полотнянки») ликвидированной белыми керченской подпольной организации РКП(б). Удостоверение было датировано 30 июля 1920 г. Фальшивку 20 сентября разоблачил начальник Особого отдела Юго-Западного фронта Е.Г. Евдокимов, у которого Можаровский жил. Последний, по-видимому, даже не подозревал, что удостоверение фальшивое, иначе бы имел время от него избавиться. Евдокимов отметил, что крымские «полотнянки» писались подпольщиками от руки, а удостоверение Можаровского было машинописным. Вверху был указан лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», тогда как на подлинных удостоверениях никаких лозунгов не было. Кроме того, не использовался термин «удостоверение» и не существовало должности председателя организации, а печать организации была захвачена белой контрразведкой⁶⁰. Все указывало на то, что такой документ мог быть изготовлен спецслужбами белых. Следовательно, предложения Можаровского могли быть частью операции белой разведки.

21 сентября 1920 г. Э.М. Складскому были возвращены документы, подготовленные для «Яковлева», из чего следовало, что дело начало пробуксовывать. В сопроводительном письме члена РВС Юго-Западного фронта Р.И. Берзина отмечалось: «Настоящим чер[ез] тов. Евдокимова возвращаю присланные документы, так как с отправкой Яковлева в Мо-

57 Зданович 2008: 340.

58 ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 72.

59 Брусилов А.А. Мои воспоминания. С. 284.

60 ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 46.

скву они здесь не могут быть использованы. Подробности обо всем Вам лично доложит тов. Евдокимов и также почему дело задержалось здесь»⁶¹.

Уже 24 сентября перебежчика арестовали⁶². Были изъяты 102 495 советских рублей, 9200 рублей керенками, 30 000 рублей донскими⁶³. В деле имеется еще один список, предположительно, изъятого: парабеллум, стилет (короткий кинжал или финский нож), часы карманные⁶⁴. Ввиду важности Можаровского перевели в Москву, во Внутреннюю тюрьму Особого отдела ВЧК, а белые офицеры, направившие его в советские штабы, так ничего и не узнали.

Перебежчик не знал о причинах ареста и думал, что речь шла о необходимости установить его личность. С этой целью он перечислил целый ряд членов РКП(б), которые его знали. В заявлении на имя начальника Особого отдела ВЧК от 1 октября 1920 г. Можаровский сетовал, что «каждый бесплодно потерянный день несет за собой лишние жертвы и оттягивает время»⁶⁵, но было поздно – ему больше не верили.

На вопросы о фальшивом удостоверении арестованный сообщал, что документ ему выдал Соколовский, чтобы можно было беспрепятственно добраться до штаба советского Юго-Западного фронта. Соколовский же получил удостоверение от красных подпольщиков, так как якобы имел с ними связь. Однако поскольку речь шла о фальшивке, утверждения о таких контактах Соколовского выглядят сомнительно. На допросе 1 ноября Можаровский признал, что удостоверение керченской организации было фальшивым («не по форме написано»). Чекисты полагали, что оно было дано не Соколовским, а Гаевским. На это Можаровский сообщил, что Гаевский был опытным жандармом (на самом деле – контрразведчиком) и не сделал бы ошибок, тем более, что про провал организации и изъятие печати наверняка стало бы известно (сам Можаровский не знал про конфискацию белыми печати). Кроме того, Можаровский отметил, что мог за те три недели, что он прожил на свободе в Харькове, потерять фальшивку, если бы знал о возможных сомнениях, однако не сделал этого. В этом же случае он не стал бы рассказывать о провале керченской организации, о чем сообщил еще в начале сентября 1920 г. в штабе 13-й армии члену РВС Н.П. Горбунову. На допросах Мо-

61 Там же. Л. 81.

62 В деле сохранилась его фотография, к сожалению, недоступная для копирования (Там же. Л. 64).

63 Там же. Л. 57-58.

64 Там же. Л. 69.

65 Там же. Л. 52об.

жаровский ругал Соколовского за то, что тот не предупредил его о фальшивом удостоверении.

Что касается керченского большевистского подполья, то, по словам Можаровского, Соколовский был связан с Межгоровским, Медведевым и Леоновой, тогда как белые схватили Шмидта, Корнилова и Строге. Об этом перебежчик говорил Евдокимову, а в Москве – председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому⁶⁶. Можаровский сообщил и явки Соколовского в Керчи. Первым адресом была квартира, где жил Соколовский – Верхне-Митридатский переулок, 8, спросить Татьяну Сергеевну или хозяйку, где Николай Федорович (Соколовский). Вторым адресом была 2-я Митридатская улица, 32. Следовало спросить Ольгу Наркисовну Аморетти, а у нее про Соколовского. Для передачи Соколовскому сообщений от Можаровского существовали пароли Харьков и пулемет⁶⁷. Согласно предписанию в удостоверении Можаровский ехал в Киев и Харьков, хотя на самом деле был направлен в Саратов.

Можаровского возмущали обвинения в приверженности белым. Он отмечал, что его отец погиб в Первую русскую революцию, в 1905 г., а сам он пошел добровольцем в РККА и сидел при белых в тюрьме⁶⁸. На обвинение в засылке на советскую территорию, как ранее служившего в РККА, Можаровский ответил, что бывшим военспецам белые, наоборот, не доверяли.

В конце концов, возникли сомнения в существовании самой тайной белой организации. Можаровского обвинили в том, что вся история – вымысел и придумана для отвода глаз. Арестованный же заверял, что организация существовала на самом деле.

На обвинения в работе на белых и знании явки в их главный центр Можаровский ответил, что сам же просил о контроле над собой и не мог воспользоваться явкой. И если бы он хотел работать в пользу белых в Советской России, то не просил бы ускорить дело и ехать в Крым с инструкциями и документами. Аргумент выглядел убедительно. Можаровский спрашивал, почему не установили наблюдение за квартирой в Саратове, куда уже могли приезжать агенты белых. Также он предлагал послать в Крым кого-то другого и проверить явку, а себя, мать и сына держать в заложниках⁶⁹.

66 Там же. Л. 53об.

67 Там же. Л. 54.

68 Там же. Л. 53об.

69 Там же. Л. 53.

Спасти Можаровского могли только неопровержимые доказательства существования организации, а подтвердить это мог только Соколовский. На допросе 1 ноября 1920 г. Можаровский предложил выманить последнего из Крыма при помощи семьи, находившейся на советской территории: «Если семью Соколовского захватить и перевезти сюда, то он немедленно приедет сам, т.к. с семьей у него налажена связь. Таким образом, можно будет детально все выяснить. Будущее и скорое (т.к. Соколовский не получал от меня известий 2 месяца, и если я не приеду, говорил, что пошлет другого) покажет, что я не лгу»⁷⁰.

Пока тянулось следствие, белые оставили Крым и эвакуировались в Турцию, а вопрос о переговорах сошел с повестки сам собой. На более позднем допросе в декабре 1920 г. Можаровский показал: «Теперь по освобождении Крыма, когда Соколовский, безусловно, явится, все это можно выяснить и установить мою полную искренность, а также устранить обвинение в том, что все, что я говорил, басни»⁷¹. Однако Соколовский не явился, а, наоборот, эвакуировался вместе с белыми.

Еще в октябре Можаровский просил снабдить его беллетристической, чернилами и бумагой, чтобы написать ряд заметок для газет о жизни в Крыму. Жаловался на скудность пайка при отсутствии передач и на то, что без пальто и одеяла мерз по ночам⁷². Просил на часть изъятых денег снабдить его хлебом, махоркой и спичками. В декабре 1920 г. его пребывание под арестом продолжалось. Следователю Агранову Можаровский жаловался на легочные кровотечения и просил на изъятые деньги купить продукты и махорку⁷³.

Чекисты наводили справки о Можаровском, пытаясь понять, кто же перед ними. Например, помощник начальника Особого отдела ВЧК сообщил следователю Агранову, что в Германии в белогвардейской артели выявлен священник с такой же фамилией. «Не родственник ли нашего приятеля?»⁷⁴ В сопроводительных документах отмечалось, что «арестованный бывший штабс-капитан Можаровский прислан группой офицеров-генштабистов из Крыма для ведения переговоров с Советской властью о поднятии восстания в тылу Врангеля и присоединении армии к советским войскам»⁷⁵.

70 Там же.

71 Там же. Л. 56об.

72 Там же. Л. 75-75об.

73 Там же. Л. 66.

74 Там же. Л. 70.

75 Там же. Л. 55.

По-видимому, со временем Можаровский стал опасаться плохого исхода дела. Он явно старался понравиться следователям, продемонстрировать свою лояльность. Некоторые заявления арестованного на допросах смотрятся комично. Например, на вопрос о политических убеждениях 18 декабря 1920 г. он ответил: «В партии не состою и не состоял. По убеждениям сочувствую программе максимум»⁷⁶. Что означала пресловутая «программа максимум» наверное не мог сказать и сам арестованный.

В конце декабря 1920 г. возникло предложение освободить Можаровского, чтобы использовать его в качестве секретного агента⁷⁷. 14 января 1921 г. он действительно освободился и стал секретным сотрудником ВЧК. С ним работали чекисты С.Г. Гендин и С.В. Пузицкий.

Выйдя на свободу, Можаровский почувствовал себя увереннее и стал добиваться реабилитации. 24 января 1921 г. он писал в заявлении на имя начальника специального отделения ВЧК о том, что нужно во что бы то ни стало найти полковника Соколовского:

«Дальнейшая же моя деятельность на территории белых, укрывательство от службы у них и работа в противоврангелевской организации быв[шего] полковника Соколовского Николая Федоровича, где я на каждом шагу рисковал жизнью, чистая идейность и бескорыстие в этой работе, все это может быть удостоверено самим Соколовским.

Насколько мне известно, о главе организации Генштаба тов. Соколовском в ОО⁷⁸ ВЧК сведений до сих пор нет.

С розыском его связано мое доброе имя, которым я дорожу больше своей жизни, и только он может установить истинное освещение моего приезда сюда, ввод меня и рекомендацию Архангельскому и Гаевскому и недоразумение с удостоверением керченской организации РКП, чуть⁷⁹ было меня не погубившее»⁸⁰

Особый отдел ВЧК сведений о Соколовском тогда не имел. Можаровский же был уверен, что его бывший начальник не мог уехать с белыми за границу по убеждениям и просил навести справки о местонахождении Соколовского в штабах 13-й и 4-й армий и в Казани, куда якобы отправили пленных офицеров из Крыма⁸¹. Также можно было искать офицера через семью, проживавшую в Мариуполе. Как мы уже зна-

76 Там же. Л. 56.

77 Там же. Л. 25.

78 Особом отделе.

79 В документе – что.

80 ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 79.

81 Там же. Л. 79-79об.

ем, Можаровский ошибался относительно поведения Соколовского. Тот уехал из Крыма вместе с белыми, но вскоре вышел на связь с советскими представителями за границей, предложив свои услуги.

Что же случилось осенью 1920 г.? В чем смысл всей этой истории? Попробуем сделать некоторые выводы. Произошедшее могло действительно являться операцией белой разведки, затеявшей опасную игру с противником. Казалось бы, фальшивое удостоверение непременно об этом свидетельствует. Тем более, что лидера керченского большевистского подполья по фамилии Межгоровский установить не удалось. Имеются и косвенные подтверждения. Например, массовых сдач генштабистов Русской армии Врангеля красным осенью 1920 г. или массового их возвращения затем из эмиграции не произошло. Даже сам «разочарованный» Соколовский эмигрировал тогда из России (в начале 1922 г. вернулся и был освобожден от наказания). В деле Можаровского не содержатся имена и тех 30 генштабистов, которые якобы состояли в организации. Помимо Соколовского упоминался лишь полковник П.Е. Дорман, но без внятного указания на причастность к организации.

Однако группа высокопоставленных оппозиционеров в белом командовании все же могла существовать. Известно, к примеру, что упомянутый выше Дорман находился в оппозиции к генералам Врангелю и Шатилову. Существование организации в своих показаниях 1922 г. подтверждал и Соколовский⁸². Фальшивое удостоверение Можаровского могло не иметь особого значения, а являться документом, позволявшим посланцу из Крыма без лишних вопросов добраться до ближайшего красного штаба. Поэтому нельзя исключать, что в конце Гражданской войны, когда поражение белых стало вполне очевидным, часть белой военной элиты решила перестраховаться и обеспечить себе безопасный переход в советский лагерь, сдав врангелевскую армию красным. Как это нередко бывает, истинную подоплеку случившегося установить, по-видимому, уже невозможно.

Необходимо упомянуть о дальнейшей судьбе Можаровского. В качестве тайного агента советских спецслужб он участвовал в деле «Синдикат № 1». Однако служба не удалась – он повел себя неадекватно – предлагал одному агенту ограбить его супругу, в 1922 г. симулировал последнюю стадию чахотки, для чего приносил другому агенту целые стаканы зараженной крови, занимался вымогательством. Кураторы из ВЧК – ГПУ – ОГПУ считали его способным на грабеж и убийство. Но хуже всего с их точки зрения

82 ЦА ФСБ. Д. Р-28574. Л. 26-26об.

было то, что агент обладал богатой фантазией и многое выдумывал⁸³. В частности, сообщал вымышленные сведения по различным делам об антисоветских организациях. Помощник начальника 6-го отделения контрразведывательного отдела ОГПУ Гендин в феврале 1924 г. отмечал, что Можаровский (агент № 283) давал дутые или полудутые дела (речь шла о делах «английской разведки» и «Инжектор»)⁸⁴. По-видимому, выдумкой было и дело «Варяги», когда Можаровский заявил о раскрытии крупной организации врангелевского толка. Стоит добавить, что в 1922 г., когда шел судебный процесс над Н.Ф. Соколовским, с ним по делу по неизвестным причинам проходил не Можаровский-Яковлев, как, казалось бы, должно было произойти, а подлинный В.Б. Яковлев. Можаровский был эрудирован, умел складно говорить, но разлагающе влиял на агентуру, слишком много знал о методах работы органов госбезопасности, сотрудниках, отдельных делах и, будучи с 1920 г. морфинистом, мог выдать такие сведения иностранной разведке⁸⁵. Опасения кураторов Гендина и Пузицкого предопределили участь Можаровского – в феврале 1924 г. он был арестован в Москве, обвинен в провоцировании органов ОГПУ, участии в контрреволюционной организации, злоупотреблении властью и служебном подлоге. Виновным себя не признал, но решением Коллегии ОГПУ от 3 марта 1924 г. приговорен к расстрелу, унеся с собой в могилу тайну переговоров 1920 года. В феврале 2003 г. Можаровского реабилитировали как необоснованно репрессированного⁸⁶.

Соколовский в 1922 г. вернулся в Советскую Россию, был арестован и судим Военной коллегией Верховного трибунала ВЦИК. Его приговорили к лишению свободы на три года, но по амнистии освободили от наказания в зале суда. Очевидно, что такое решение было политическим и связано с заинтересованностью в Соколовском советских спецслужб. В дальнейшем Соколовский работал бухгалтером, причем устроился даже в управление НКВД по Иркутской области, что кажется невероятным для белого полковника. В 1938 г. он был арестован и расстрелян. Реабилитирован 14 января 1958 г.

Литература

1. Ганин 2023 – Ганин А.В. Свергнуть Врангеля и сдать его армию красным! // Родина. 2023. № 7. С. 102-107.

83 ЦА ФСБ. Д. Р-49369. Л. 14.

84 Там же. Л. 12.

85 Там же. Л. 12, 15-16.

86 Там же. Л. 99об.

2. Гусаров, Чуистова 1955 – Гусаров Ф., Чуистова Л. Керчь. Историко-краеведческий очерк. Симферополь: Крымиздат, 1955. 248 с.
3. Зданович 2008 – Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК – ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921-1934). М.: Продюсерский центр «Икс-Истори»; Кучково поле, 2008. 800 с.
4. Кирмель 2013 – Кирмель Н.С. Спецслужбы Белого движения. 1918-1922. Контрразведка. М.: Вече, 2013. 320 с.
5. Крестьянников 2004 – Крестьянников В.В. Белая контрразведка в Крыму в Гражданскую войну // Русский сборник. Исследования по истории России XIX – XX вв. (Москва). 2004. Т. 1. С. 209-220.

References

1. Ganin, A.V., 2023. Svergnut' Vrangeliã i sdat' ego armiiu krasnym! [Overthrow Wrangel and surrender his army to the Reds!] *Rodina*, 7, pp. 102-107. (in Rus.)
2. Gusarov, F., Chuistova, L., 1955. *Kerch'. Istoriko-kraevedcheskii ocherk* [Kerch. Historical and local history essay]. Simferopol': Krymizdat, 248 p. (in Rus.)
3. Zdanovich, A.A., 2008. *Organy gosudarstvennoï bezopasnosti i Krasnaïã armiiã: Deiatel'nost' organov VChK – OGPU po obespecheniiu bezopasnosti RKKA (1921-1934)* [State security bodies and the Red Army: Activities of the Cheka - OGPU bodies to ensure the security of the Red Army (1921-1934)]. Moscow: Prodiuserskii tsentr «Iks-Khitori»; Kuchkovo pole, 800 p. (in Rus.)
4. Kirmel', N.S., 2013. *Speĭssluzhby Belogo dvizheniã. 1918-1922. Kontrrazvedka* [Intelligence services of the White movement. 1918-1922. Counterintelligence]. Moscow: Veche, 320 p. (in Rus.)
5. Krest'iannikov, V.V., 2004. *Belaïã kontrrazvedka v Krymu v Grazhdanskiu voïnu*. [White counterintelligence in Crimea during the Civil War] *Russkii sbornik. Issledovaniã po istorii Rossii XIX – XX vv.* (Moscow) 1, pp. 209-220. (in Rus.)

Список сокращенных слов

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет

ВЧК – Всероссийская Чрезвычайная Комиссия

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации, Москва

КГБ – Комитет государственной безопасности

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление

РВС – Революционный военный совет

РВСР – Революционный военный совет Республики

РГВА – Российский государственный военный архив, Москва

РККА – Рабоче-Крестьянская Красная армия

РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)

СНК – Совет народных комиссаров

ССР – Советская социалистическая республика

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

ЦА ФСБ – Центральный архив Федеральной службы безопасности России, Москва

Andrey V. Ganin

D.Sc. (History), Leading Researcher, Institute of Slavic Studies,
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A.
andrey_ganin@mail.ru

“It’s fair to go the common road where... the vital needs of the country lead.” The history of secret negotiations between the Reds and Whites on the surrender of the Russian army by General P.N. Wrangel in Crimea in the fall of 1920

The article is devoted to the history of secret negotiations between the Reds and Whites on reconciliation in the fall of 1920. Then a White officer, staff captain V.B. Mozharovsky crossed the front line to the Reds. The officer, who said that he represented a group of oppositionists to General P.N. Wrangel officers from the White Crimea, led by Colonel N.F. Sokolovsky, wanted to surrender the Russian army of General P.N. Wrangel to the Reds. To implement the plan, guarantees from the Soviet government were required. The proposal of the White emissary was scrutinized in Soviet Russia at the highest level – the head of the Soviet government V.I. Lenin and the Chairman of the Revolutionary Military Council of the Republic, L.D. Trotsky, took part in the discussion. It was decided to accept the proposals of the White oppositionists, appointing the authoritative General A.A. Brusilov to the head of Wrangel’s army. However, it soon became clear that the agent had arrived under false identity, which led to the disruption of the entire operation, since Mozharovsky was considered a provocateur. Even though it is possible that this was a White intelligence operation, however, there is evidence that the proposals of the White oppositionists could have been real. Perhaps at the end of the Civil War, when the defeat of the Whites became obvious, part of the White military elite decided to play it safe and ensure a safe passage to the Soviet camp by surrendering Wrangel’s army to the Reds.

Keywords: Civil War, Red Army, Russian Army, RSFSR, Ukraine, V.I. Lenin, P.N. Wrangel, A.A. Brusilov, struggle of special services, peace negotiations